

Дмитрий Линчевский

Рассказы о чеченской войне

*Слава Господу, ибо Он есть
источник всякой славы...*

Александр Васильевич Суворов,
великий русский полководец

**Москва
2014**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 284 (2 Рос=Рус) 6-445
Л13

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ОТ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДО ЧЕЧЕНСКОЙ

Д. И. Линчевский

Рассказы о чеченской войне (все рассказы основаны на реальных событиях; доля художественного вымысла — минимальна). / М.: «Альга-Принт», 2014. — 336 с.

Книга Д. Линчевского «Рассказы о чеченской войне» — боевая проза. Его герои — люди, оказавшиеся в «пограничной» ситуации — между жизнью и смертью, чувством стыда и бесстыдством, душевной щедростью и малодушием. Автор погружает читателя в тот круговорот событий, где все человеческие отношения головокружительно вращаются вокруг жизни, а цена этой жизни настолько мала и в то же время так неизмеримо высока, что, неровен час, закружишься и запутаешься в этом вращении. Но автор, не навязывая своего мнения, подсказывает нам, что жизнь бесценна: «В такие минуты, когда от тебя мало что зависит, а смерть подбирается вплотную, толкается и дёргает за одежду — ты начинаешь верить в Бога...».

© Д. И. Линчевский, 2014.

© «Альга-Принт», 2014

ISBN 978-5-9902394-6-3

(ИП Идатчикова Л.В)

Сегодня на тематические встречи с молодёжью нередко приглашают молодых ветеранов боевых действий. Вместе с участниками Великой Отечественной войны они делятся воспоминаниями о современных, так называемых локальных, войнах (как правило, афганской и чеченской). Это подразумевает связь времён и традиций, символизирует передачу эстафеты патриотизма от старшего поколения младшему.

Сидя в школьных аудиториях и слушая рассказы седовласых фронтовиков, которые по праву выступают первыми, задавая тон беседе, — я всё чаще задумываюсь вот о чём... Боевой дух солдата — где он рождается, где умирает, насколько зависит от внешних условий, может ли старшее поколение передать его младшему, и если да, то каким именно образом?

Я сравниваю большие и малые войны. В чём их схожесть, в чём различие?

Казалось бы, там и тут рвутся снаряды, ухают мины, свистят пули. Те же окопы, та же грязь, пот и кровь. Даже вши... Человеку сугубо штатскому, может быть, это покажется диким, но мы ловили их в январе 1995 года, штурмуя Грозный, когда сутками не снимали форму и не имели возможности мыться. С водой — проблемы (колодцы отравлены, а водовозы не всегда могли пробиться на наши позиции), сон — на голой земле, обогрев — у костров, питание — сухари и консервы. Против нас стояла жестокая хорошо обученная профессиональная армия.

Вооружённые силы Чечни к 1994 году (к моменту начала конфликта) включали в себя танковые и артиллерийские полки, зенитно-артиллерийские и авиационные соединения (более 100 самолётов и вертолётов), мусульманский истребительный полк, горно-пехотную бригаду, полки и батальоны национальной гвардии, батальоны специального назначения, полки пограничной службы плюс ко всему — многочисленные тейповые формирования. Кроме того, в Чечне проходили службу до 6 тысяч наёмников из Прибалтики, Таджикистана, Украины и других стран. Среди них в большом числе присутство-

вали уголовники-рецидивисты, укрывшиеся на территории республики от российского правосудия. В Грозном было налажено производство автоматов «Борз». В целом личный состав дудаевской армии насчитывал более 60 тысяч хорошо вооружённых боевиков, значительная часть которых получила опыт ведения военных действий в Афганистане, Карабахе и Абхазии. Для сравнения: наша группировка на тот момент составляла 23 тысячи человек.

В январе 1995 года Грозный напоминал Берлин в конце Великой Отечественной. Всё полыхало, рвалось, рушилось. Не было практически ни одного уцелевшего дома — только руины и дымящиеся воронки. Нам приходилось наступать и отступать, сидеть в обороне и отражать до пятнадцати атак за сутки, вынося при этом очень плотные артобстрелы. На головы обваливались потолки, крошились стены, падали лестничные проёмы, под ногами горели половицы.

Да, наверное, с масштабами Великой Отечественной масштабы локальной войны трудно сравнить... если, конечно, смотреть на неё издали и сверху. Но находясь внутри и поднимаясь в атаку на своём конкретно заданном направлении, ты не ощущаешь никакой разницы. Рить траншею могут одновременно и тысяча, и

миллион человек. В последнем случае она, конечно, будет шире. Однако каждый землекоп и в той, и в другой команде затратит на работу абсолютно равные усилия. И в этом смысле большие и малые войны — исключая, разумеется, масштабность, — весьма и весьма похожи. Но всё-таки они различаются. И прежде всего психологией бойцов.

В Великую Отечественную войну солдаты защищали Родину, на которую пришёл враг, и выбор перед ними практически не стоял. Страна единым фронтом поднялась на борьбу с фашистами, и война, без сомнения, стала всенародной. Свой дом, своё село, свою землю пошли защищать не только мужчины, но и женщины, а зачастую и дети, влекомые патриотическими порывами. Все жили по принципу «Всё для фронта, всё для победы». Моральный дух общества был необычайно высок. Солдаты бежали в атаку с криками «За Родину!» — и сложно было отыскать мотив выше.

Совершенно иная ситуация складывается на современных войнах, в так называемых горячих точках, которые находятся где-то за пределами спокойной, тихой жизни. Здесь уже появляется некий выбор — идти или отсидеться, спрятавшись за пресловутый бабий подол, благо при-

чин и способов для этого множество. Одни косят от армии в силу банальной трусости, завуалированной под различные, как правило, надуманные причины, другие находят для себя оправдания в идеологических пацифистских убеждениях, маскируя под ними обычную мужскую несостоятельность. Мол, если случится большая война, если вдруг нападут враги — тогда мы, пожалуй, поднимемся на защиту страны, но пока этого не произошло — увольте. А между тем чтобы не разгорелась большая война, зачастую нужна малая. Мы в этом убедились на собственном печальном опыте, когда в 1996 году вывели войска из Чечни, а уже в 1999 вынуждены были защищать свою территорию (Дагестан) от нападения басаевских отрядов. Безопасность страны — это не только готовность к её обороне от внешнего вторжения, но и нанесение превентивных ударов по болевым точкам противника, например, по лагерям и базам террористов, которых мы в Чечне разгромили немало. И вот здесь требуется большое мужество, чтобы оставить цивилизованное, насыщенное соблазнами, всяческими удовольствиями общество и отправиться на войну — в грязь, вонь и копоть. И всё же мало туда попасть, нужно ещё и выстоять, не сломаться, не опозориться. Одно дело,

когда ты, покуривая в душном воинском эшелоне, говоришь себе: «Я еду на Кавказ защищать интересы страны», и тем морально удовлетворён. И совсем другое, когда над твоей головой начинают свистеть пули и визжать осколки.

Нам приходилось брать ДОТы, как прадедам в Великую Отечественную войну. Признаю вам, картина с той поры изменилась не намного. Мы лежали под плотным пулемётным и миномётным огнём, под шипящими ракетами гранатомётов, читали про себя Иисусову молитву «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного...» и думали: почему?.. Почему мы должны отдавать свои молодые жизни здесь, когда там, на «большой земле», люди танцуют, выпивают, веселятся? Когда они даже не думают, что мы сейчас погибаем за их безопасность? И в такие минуты хотелось повернуть назад, отойти в тыл и сказать: «Да на кой ляд мне это нужно?! Пусть собираются все откосившие и отмазанные и сами себя защищают! Кто они такие, чтобы мы тут за них отдувались?»

Но потом, немного остыв, мы понимали, что страна — это не только беспечные лоботрясы, «мажоры», но и нормальные ребята, и наши матери, и жёны, и старики, и Православная вера. И после этого в душе твердел стержень, креп-

ла вера, обострялось мужское самолюбие. В памяти всплывали рассказы о Кавказской войне (к слову, разгоревшейся после Отечественной войны 1812 года), о наших славных гусарах и драгунах, которые рвались на Кавказ, чтобы отстаивать интересы России. Тогда мужчинам были свойственны военная доблесть, храбрость, мужество. Многие великие люди считали своим долгом принять участие в Кавказской войне — Грибоедов, Пушкин, Лермонтов. Боевые награды считались высшим признанием мужской состоятельности.

... И вот тогда мы поднимались и шли вперёд — исполнять воинский долг, всегда почётный и всегда священный. Долг перед верой и Отечеством, который до конца выполнил российский солдат Евгений Родионов и отказался снять нательный крестик перед чеченскими боевиками в обмен на свою жизнь.

И вот, сидя в школьной аудитории и принимая эстафету выступления от ветерана Великой Отечественной войны, я обращаюсь к молодым ребятам:

— Кто из вас хочет служить в армии?

— Что нам может дать ваша армия? — доносится с последних рядов. — Ничего в ней хорошего нет. Просто потраченное даром время...

— Армия может дать вам то, что нигде, ни за какие деньги не купить,— отвечаю я,— даже став миллионером или миллиардером.

— Здоровье, что ли? — уточняет тот же голос.

— Нет,— говорю.— Совсем другое.

— Уважение соседей по площадке? — слышится с ехидцей.

— Нет, не это...

Пока ребята недоумённо шушукаются, я снимаю с груди орден Мужества и пускаю его по рядам...

Заметно робея и осторожничая, они передают серебряный крест из рук в руки.

— Тяжёлый,— слышится из-за парт.

— С номером.

— Сзади написано «Мужество».

Кто знает, может, этот орден в форме серебряного креста передаст свой заряд веры и доблести какому-нибудь мальчишке. Кто знает. Во всяком случае, мне бы этого очень хотелось.

СТРАХ*

Его считали недотёпой, но он не обижался. Тихий, слабый, неуклюжий — кто он? — не гусар же, в самом деле, не гвардеец. В шеренге Глеб стоял последним, в наряды заступал первым. Одногодки над ним подтрунивали, «деды» измывались, сержанты гоняли до седьмого пота — всем казалось, что маленький рыжий солдатик способен лишь держать лопату да худо-бедно рыть окопы. Все так думали... Только не было теперь никого. Точнее, были, но там, у дороги... Уже холодные.

Дивное место Кавказ, сказочное. В небе палят большие орлы, в воздухе пахнет цветами и травами, всюду лучится волшебная, завораживающая красота. Вверху — пышные шапки снегов, сверкающие на солнце и подпирющие

* В августе 1996 года вооружённые чеченские формирования совершили одновременное нападение на все базы и блокпосты федеральных сил, которые не всегда могли оказать помощь друг другу.

лохматые сизые тучи, внизу — зелёные подошвы гор с пушистыми кустами и диким орешником, источающим густой тягучий аромат, вокруг — птицы, бабочки, трескучие цикады, словом, рай, да и только... Правда, человек военный смотрит на мир по-особому. В скальных ущельях он видит засады, в изумрудных купках чинар — укрытия, а в бойких змеистых речушках — водные препятствия. И потом, стоит ли восхищаться орнаментом пушки, нацеленной в вашу грудь? К тому же в сравнении с русским простором Кавказ выглядит тесным и не в пример бугристым: словно в минуты гнева Творец скомкал эту землю, как бумажный лист, да так и забыл разгладить. Упреждал он тем кого, наказывал ли — кто теперь знает...

Блокпост оборудовали прямо под горой: сзади — глухой скальный срез, справа и слева — дорога, за ней — крутой каменистый обрыв. Позиция хорошая, удобная во всех отношениях. Правда, отступить некуда, зато и напасть могут только с двух сторон — тыл и фронт защищает природа.

Службу несли группами по пять-шесть человек. Каждые два дня команды менялись: из лагеря приходил пятнистый БТР и забирал старый наряд, оставляя новый, свежесвыбритый. Дежур-

ства протекали спокойно и особых хлопот не приносили...

Только на этот раз всё вышло по-другому.

На рассвете к блокпосту подъехала бежевая «Нива», в салоне которой сидело трое бородастых кавказцев. Водитель с хищным клювастым носом широко распахнул дверцу и призывно помахал рукой солдатам: мол, есть товар, приходите, смотрите, покупайте. Дело, в общем-то, обычное (местные нередко привозили на продажу всякую всячину), и бойцы, не раздумывая, дружно зашагали к машине.

Глеб в это время сидел на блокпосту и прилежно чистил оружие. Он видел, что ребята собрались у «Нивы», разглядывая мохнатые бараньи шапки, которые разложили на капоте гости. Ему тоже хотелось подойти к ним и примерить колоритную папаху, ощутить себя джигитом, горцем (вайнахом), но было не положено — слишком мало прослужил. Он не расстраивался — таковы правила. Его удел — собирать и разбирать автомат, часами целиться в мишень, отрабатывать плавный спуск и получать тумачи за всякого рода оплошности. Его номер последний. Он в конце строя. Он привык. Когда-нибудь и на его улице наступит праздник, а пока — сидеть и чистить автомат.

Солдаты тем временем бойко примеряли шапки, подбирая цвет, размер, фасон, длину ворса. Кавказцы достали из салона зеркало и услужливо подставляли его каждому, кто хотел покрасоваться. «Настоящие джигиты! — восторженно цокали они языками. — Как будто на вас шито»... И всё шло как обычно. И всё было хорошо.

А потом всё стало плохо.

Клювастый обошёл машину сзади и вынырнул из-за багажника с автоматом наперевес. Никто не успел даже охнуть. Длинная очередь с сухим треском распорола плотный горный воздух. Стоявшие толпой солдаты попадали друг за другом, как сбитые кегли. Сержант в горячке попытался отползти за «Ниву», но кавказец придавил его ногой и выхватил из-за пояса кинжал.

У Глеба от страха затрясся подбородок. Мозги не понимали, что происходит: будто кто-то выхватил сознание из реальности и окунул его жуткий кошмарный сон.

Кавказец взял голову сержанта за волосы и, припав на колено, начал медленно резать ему глотку. Это было страшное зрелище... Лезвие жадно впивалось в кожу, рассекая дрожащую плоть и выпуская наружу тонкие струйки крови. Земля под ними быстро заалела. Рот сержанта

раскрылся в беззвучном крике. Лицо горца исказила кривая садистская улыбка. Нож вонзился ещё глубже. Захрустел кадык. В глазах кавказца заискрились огоньки бешенства. Его товарищи, словно ожидая, что им бросят кусок мяса, подошли ближе и, утробно рыча, заскрежетали зубами. Когда клинок вошёл в горло на полную ширину, губы сержанта судорожно дёрнулись. «Как больно, — может быть, прошептали они. — Как больно мне, братцы!» А лезвие врезалось всё глубже и глубже, разваливая шею надвое. Клювастый сопел от усердия и хищно, по-звериному скалился. Его помощники сверкали безумными глазами и сжимали когтистые пальцы, готовясь порвать то что уцелело. И длилось это до нетерпения долго... пока не захрустели сломанные шейные позвонки.

И это была адская картина... Но Глеб не мог отвести от неё глаз, его сковал невероятный ужас. И только руки... Они тряслись и ходили ходуном, гремя деталями разобранного автомата.

Клювастый допилил голову сержанта и, откинув её, словно крышку кувшина, обнажил бурое пещеристое нутро шеи. Вместе с кровью оттуда хлынула мутная бело-жёлтая слизь. У Глеба не было ни тошноты, ни отвращения — один лишь страх, липкий и холодящий,

давящий железными тисками и напрочь лишаящий и силы, и воли. Наверное, то же самое ощущает кролик перед тем, как отправиться в глотку удава. Мозги не понимали — как люди, которые только что мирно разговаривали друг с другом, в одно мгновение превратились в чудовищ? Как?! Ему хотелось закричать, позвать на помощь, взвыть, заплакать. Но он не мог сделать ни того, ни другого, ни третьего. Он был разбит, раздавлен, побеждён. Он знал, что тоже умрёт. Он приготовился к смерти. Если бы кавказец сейчас крикнул: «Эй, урус, иди сюда — будем тебя резать», он бы поднялся и пошёл: молча, безропотно и обречённо... Он всё делал безропотно — бегал до седьмого пота, выполняя собачьи команды: «вперёд», «ко мне», «ползти», «лежать»; стоял часами у амбразуры, целясь в условного противника, в то время как другие играли в нарды; подметал, стирал, готовил, мыл и снова стоял, и снова тренировал твёрдость руки и верность глаза. Разбирал и собирал автомат, снаряжал магазины на время. Он всё сносил и ко всему привык. Он был готов к смерти. Пусть приходит...

Клювастый поднялся с колена и обвёл взглядом опустевшую площадку с выложенными зигзагом бетонными блоками.

— Пост внутри проверяли? — спросил он земляков и, не дожидаясь ответа, зашагал к блоку.

Глеб видел, что идёт его смерть, он был готов к ней — онемевший, застывший, безвольный, словно попавший в кошмарный сон, где нельзя ни спрятаться, ни убежать, потому что не слушаются ноги; да, он был готов ко всему. И только руки... Они по-прежнему жили своей жизнью и делали то, что повторяли сотни, тысячи раз — бездумно, на ощупь, по мышечной памяти. Он отсчитывал последние секунды своей коротенькой, едва начавшейся службы. Всего пять месяцев прошло, всего пять. Никогда ему уже не быть «дедом», никогда не дожидаться желанного дембеля. Никогда... Вот уже шаркнули шаги у входа... Вот гулко охнул железный порожек... Вот скрипнула дверь... Вот лязгнул карабин на автомате... И вот... Из-за бетонной плиты показалось хищное, пылающее злобой лицо кавказца... Всё. Это смерть...

Выстрел громынул коротко и сухо... Две пули прошили лоб и подбородок.

Помощники Клювастого одновременно оглянулись. Один из них вскинул автомат и пошёл посмотреть, всё ли в порядке на блоке. Едва он ступил на порог и заглянул в комнату, как снова чиркнул выстрел...

Третий кавказец не стал испытывать судьбу и, мигом прыгнув в «Ниву», умчался за подмогой в горы.

Глеб ещё находился в состоянии шока, но уже мог шевелиться. Хлопая белёсыми ресницами, он с удивлением оглядывал себя, свои руки. Непослушные, грязные, исцарапанные, они держали автомат магазином вбок и целили точно в поверженного «духа». Это было странно. Как такое случилось? Во сне? В бреду? Постепенно возвращалась способность мыслить. Сознание пробуждалось от кошмарного сна и окуналось в кошмар настоящий. Что произошло? Напали на блокпост?.. Да — это очевидно. Тогда нужно немедленно доложить на базу, запросить помощь...

Он выскочил на улицу и подбежал к обезглавленному телу сержанта. Но нет! Переносная рация, торчавшая в его «разгрузке», была пробита пулей. Это конец. Связи не будет. Что же делать?.. Ответов не было... Но стоять, опустив руки, нельзя, для начала нужно затащить ребят под крышу... Он взял сержанта за руки и осторожно потянул обезглавленное тело за собой, но не успел сделать и пяти шагов, как загремели выстрелы. Со стороны гор уже мчалась кавалькада набитых «духами» машин...

Пули шипели, свистели, щёлкали, лязгали, стучали, вгрызаясь и ввинчиваясь в шершавые бетонные стены. Те, что попадали в амбразуры, с визгом рикошетили и бешено носились по блоку. Одна дёрнула Глеба за рукав, другая оцарапала шею под ухом. Он забился в угол между ящиками и, держась за нательный крестик одной рукой, часто крестился другой. «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй мя... А-а, ма-а-а»...

Он едва успел заскочить в дверь, как воздух содрогнулся от тяжёлых гранатомётных залпов. Стены заходили ходуном — удар за ударом, взрыв за взрывом — посыпалась крошка, загремели фляги, котелки, запрыгали лавки. Вспышки выстрелов заискрились повсюду: веером, снопом, фонтаном огня. Казалось, бетонные плиты не вынесут такой мощи и вот-вот развалятся... Но нет — пока стояли, сплёвывая на землю рваные осколки и держась.

Глеб раскачивался из стороны в сторону, ожидая, когда затихнет буря. Надо было подниматься и следить за обстановкой, но он не мог заставить себя выглянуть в амбразуру — там беспрестанно завывали осколки и пули. Радовало одно — голова уже начинала мыслить по-военному, вспоминать уроки, которые в неё вбивали

словами и тумачами «деды» и сержанты. «Патроны не жечь. Долбить прицельно. Работать короткими из глубины комнаты. После выстрела смещаться. Постоянно наблюдать, чтоб не подкрались, не обошли с флангов».

Глеб вздрогнул. А ведь действительно — могут обойти, подкрасться. Накатила новая волна страха. Надо срочно подниматься и следить за ходом боя. Лучше сдохнуть от пули, чем попасть в плен и быть зарезанным.

Он выбрался из угла и мельком глянул в амбразуру. Никто пока не приближался. Хорошо. Но это только вопрос времени. Если он будет молчать, то обязательно приползут. «Не давай противнику отдыхать, показывай зубы, кусайся», — всплыла в памяти очередная подсказка сержантов. «Зубов» у него, положим, не было, а вот ущипнуть он, пожалуй, мог бы. Где там самая жирная вспышка?.. Вскинув автомат, он робко выглянул в амбразуру... Ага, вот и пулемёт... Ну, с Богом. Цель — мушка — плавный спуск — выстрел! Короткая очередь выпорхнула из амбразуры и полетела навстречу воющей свинцовой стае...

Первая пуля угодила «духу» в руку. Не успел он подумать: «Хорошо, что не в голову», как вто-

рая вошла точно в бровь, и мозг подавился горячим свинцом. Напарник подбежал к нему сзади, собираясь оттащить тело от пулемёта, но тут же получил две пули в грудь и завалился рядом.

Командир «духов», золотозубый Ахмед, сидел в бежевой «Ниве» и смотрел в бинокль на поле боя.

— Сколько их там, Ваха? — спросил он у помощника Клювастого.

— Мы убили пятерых — значит, остался один. Их больше шести не бывает.

— Вы не могли справиться всего с одним?

— Он в блоке засел... Не подобраться.

— Вы поступили, как ослы! — вспыхнул Ахмед. — Вы должны были захватить блок, а не устраивать там резню! Как теперь отряд пройдёт в Грозный? Нас уже там ждут. Центральную базу русских без нас штурмуют. Ты понимаешь это или нет?! А мы тут с этим шакалом возимся!

— Понимаю... Сейчас мы его выкурим, не беспокойся. Он долго не протянет.

В этот момент пуля с визгом вонзилась в горячий радиатор «Нивы».

— Не протянет, говоришь? — выскочил из кабины Ахмед. — Так идите и возьмите его штурмом!

Глеб прошёлся свинцом по моторам машин, что стояли в зоне досягаемости (нанёс урон технике), и снова занялся живой силой. Его поражала собственная меткость. Вроде бы раньше такого не замечалось. Впрочем, раньше ему и стрелять приходилось нечасто. Больше упражнялся — целился. И, нужно отдать должное сержантам, мишени для тренировок они выбирали как раз в тех местах, где сейчас укрывались «духи». То есть — дело было привычным, часами на этом руку набивал. Правда, тогда не стреляли в ответ и кишки не сводило от страха. Но, как говорится, глаза боятся, а руки делают... Ох, Боже милостивый! Кажется, гранатомётчик встал на колени. Ох, щас жажнет!..

Взрыв громыхнул рядом с амбразурой и больно ударил по ушам. Глеб почувствовал тёплую струйку крови, потёкшую из носа, слух осел почти до нуля. «Чуть-чуть левее — и попал бы точно в амбразуру, — испуганно подумал он, вытирая кровь над верхней губой. — Когда же этот ужас закончится?»

К Ахмеду с позиций прибежал взъерошенный гранатомётчик.

— Слушай! — закричал он ещё на подходе. — Неверный стреляет, как шайтан! Пулемёт-

чика сразу снял и теперь никого к нему не подпускает. наших трое уже там лежат. Меня, собака, чуть не срезал. Пуля в эрпэгэшник попала. Теперь только как на дудке играть — совсем не стреляет.

— Да-а, — злобно шурясь, процедил Ахмед. — Если бы все русские так стреляли, я бы ещё подумал, воевать с ними или нет. — Он сплюнул под ноги и поднёс к глазам бинокль. — Хороший солдат... Хороший... Чувствую, поговорить с ним придётся.

Срезав очередного «духа», Глеб пугливо отскочил от амбразуры и принялся снаряжать магазины... Патроны быстро щёлкали, седлая и топя друг друга в обойме. Руки, подгоняемые страхом, мгновенно забивали рожки и укладывали их рядком на лавке. «Глаза боятся, а руки делают, — думал он, опасливо поглядывая в амбразуру. — Если бы горцы знали, какой «герой» с ними воюет, то, наверное, сгорели бы от стыда. — Затвор сыто клацнул, и автомат вновь взлетел к плечу. — Как пить дать — сгорели бы»...

Но «духи» ничего не знали. А он боялся и стрелял. И держал их на своём пяточке ещё долгих двое суток... А потом... Потом просто уснул.

БАБОЧКА

Цель появилась неожиданно.

«К бою!» — искрой вспыхнуло в мозгу, и ствол бесшумного «винтореза» тут же метнулся к едва заметному силуэту. Мушка заученно вцепилась в маленькую, не больше комара, фигурку, палец машинально лёг в изгиб спускового крючка. К бою готов. Можно работать...

За аулом наблюдали с полуночи. Место лёжки выбирали наспех, потому что времени на раскачку не было ни минуты. Благо удобную позицию нашли без особых усилий: щербатые в сизой дымке горы, густой разлапистый лес, махрово-зелёные кусты, торчащие всюду ершистыми пучками, — отличные условия для тех, кто решил укрыться от сторонних взглядов. Это на равнине маскировка требовала специальных средств и приёмов, а в горах природа всё устроила сама, оставалось только умно этим воспользоваться. Старались, как могли.

Отлогий склон, усеянный мелкими цветами и курчавой травой, позволял без особых помех наблюдать за левым крылом аула, где, точно белый гриб среди волнушек, стоял трёхэтажный

дом с черепичной крышей. Именно он и представлял собой интерес для группы спецназа.

Между тем цель поднималась по склону и время от времени оглядывалась по сторонам, будто кого-то высматривала.

Егор, выдержав короткую паузу, решил доложить о появившейся угрозе засветки командиру, находившемуся с ядром группы в «зелёнке».

- Гранат, Клёну на связь.
- На связи Чибис. Что хотел?
- Граната давай.
- Он спит после ночи. Тебе срочно?
- У меня гость.
- Понял. Бужу...

К операции готовились в режиме строгой секретности. Информация о банде ваххабитов, на счету которой были и взрывы жилых домов, и захваты заложников, и зверские издевательства над военнопленными, — стекалась в федеральный штаб крупница за крупницей и оседала на полках бронированного сейфа, доступ к которому имел лишь узко ограниченный круг высшего состава. Накануне вечером пришло агентурное донесение о том, что бандиты собираются навестить своих родственников и друзей в

отдалённых горных селениях. Это событие послужило сигналом к началу войсковой операции. Несколько отрядов спецназа тут же выдвинулись к местам вероятного появления ваххабитов, с тем чтобы установить наблюдение за аулами, в которых согласно агентурным данным со дня на день те могли объявиться. Армейские соединения встали «на крыло» и ждали команды к выступлению в район проведения операции. Их задача заключалась в том, чтобы с лёту окружить указанное разведкой селение и провести задержание или уничтожение ваххабитов. Военная машина пришла в движение.

Тем временем фигурка медленно приближалась к месту лёжки и уже сравнялась по размерам с муравьём, которого можно было рассмотреть в общих деталях. Снайперский взгляд — вещь уникальная. Он способен не только держать в поле зрения цель, но и одновременно контролировать окружающую обстановку: кусты, расщелины, деревья, валуны, уступы...

Похоже, везде было чисто. К лёжке действительно шёл одиночка.

Егор плотнее прижался к наглазнику оптики, чтобы спокойно рассмотреть объект и примериться для возможного выстрела... Но уже

в следующую секунду палец его, точно обжёгшись, невольно отскочил от спускового крючка. Этого только не хватало!

Он пристальнее взгляделся в прицел — не ошибся ли: июньское солнце светило в глаза, и видимость была недостаточно чёткой... Но — нет! Судя по лёгким и быстрым движениям, к лёжке приближался именно ребёнок!

По горькому опыту Егор знал, что дети горцев совсем не так безобидны, как могло казаться со стороны. За время боевых действий ему приходилось сталкиваться со всяким. Десяти-двенадцатилетние пацаны подбрасывали гранаты в ротные палатки, стреляли по военным машинам, вели разведку, корректировали огонь духовских банд и прочее. Играть с ними в благородство бойцы давно уже отучились. На войне как на войне: или ты, или тебя. Другие законы здесь не работали.

Егор снова всмотрелся в цель и чуть в сердцах не сплюнул. Чёрт! Мало того что это был ребёнок, так ещё и девочка!

С камушка на камушек прыгала шустрая пигалица в тёмно-сиреновом платъице с бахромой на рукавах, и светлых сандаликах, металлические застёжки которых тускло поблёскивали на солнце.

— Клён, Гранат на связи, — ворвался в наушники хриплый голос командира. — Что у тебя стряслось?

— У меня гость, — негромко сообщил Егор в торчавший из-под шлема микрофон.

— Один?

— Да.

— Вооружён?

— Нет.

— Далеко?

— Пока да. Но двигается в моём направлении.

— Угроза засветки есть?

— Пока нет. Но может появиться. Он приближается.

— Будет угроза — устраняй.

— Это ребёнок.

Гранат немного помолчал... и жёстким голосом спросил:

— И что с того?

— Девочка.

— Гм... — командир выдержал короткую паузу. — Слепая?

— Нет.

— Тогда что это меняет?

Егор помедлил, прежде чем ответить:

— Ничего.

— Если есть возможность тихо спеленать — пеленай. Подержим у себя. А нет... Зачищай!

— Понял.

Егор вновь прильнул к оптике.

Девочке на вид было лет девять-десять. Её гладкое смуглое личико украшала наивная улыбка, тёмные, широко распахнутые глаза светились радостью и любопытством. Ловко прыгая по склону, она порой замирала на месте... Вот неожиданно бросилась к кусту, взмахнув смуглыми ладошками, и в тот же миг из-под них выпорхнула большая пёстрая бабочка.

Ах, вот в чём дело! Оказывается, девчушка гонялась по склону за этой горной красавицей.

Егор приподнял голову от винтовки.

Он понял, что нажать на спусковой крючок сейчас не сможет.

А не нажать?..

В голове вихрем пронеслись истории, связанные с подобными встречами. Все они заканчивались неизменно кроваво. Не раз он слышал от сослуживцев рассказы о женщинах и детях, ставших причиной гибели целых отрядов и срыва боевых заданий.

Три месяца назад группа лейтенанта Иванцова отпустила в лесу безобидную старушку, которая нечаянно набрела на спецназовскую засаду.

Парни пожалели бабу — не звери же! — и отправили с миром. Сами тем временем решили сменить место лёжки для подстраховки. Но не успели. Едва собрали эрдэшки и походные коврики, появились «духи». Они налетели диким роем. Первую половину отряда выкосили огнём гранатомётов. Иванцову оторвало обе руки. Группа осталась без командира и попала в окружение («духов» было намного больше). Попыталась вырваться, но не получилось. Проскочили только двое — они и рассказали о случившемся, — остальные погибли в огневом мешке. Дрались до последнего. Умирая, подкладывали под себя гранаты, чтобы «духи» не глумились над трупами...

Когда подоспела помощь, спасти уже было некого. Оставалось только собирать холодные окровавленные тела бойцов. Егор до сих пор со скрипом зубов вспоминал, как, увидев оторванную руку Иванцова, не смог поднять её с земли. Казалось, что окровавленные пальцы ещё шевелятся, что живут сами по себе, ещё воют, жмут на спусковой крючок, дёргают кольцо гранаты. Это было страшное зрелище, не сравнимое с видом обычных трупов... даже изуродованных, даже обезглавленных (там были и такие). От этих воспоминаний Егора коробило по

сей день, а злоба на бандитов и местных жителей становилась всё сильнее и сильнее. Война не богадельня — за жалость и сопли жестоко наказывает. Нельзя нарушать её законы — всегда суровые, порой циничные. Но лишь они позволяют выжить и выполнить боевую задачу.

У Егора не было возможности «спеленать» гостью.

Место оказалось удобным для наблюдения, но совершенно не приспособленным для быстрой вылазки. И с маскировкой, надо признать, всё обстояло не так хорошо, как хотелось бы. Обустраивались ведь второпях, выставлялись ночью, ориентировались больше на вид аула, чем на боевое применение.

Добраться до девчонки незаметно было нереально — внизу всё голо, — зато она без особого труда могла заметить лёжку, возьми чуть выше и левее. В той стороне как раз зиял открытый сектор — ночное упущение. А это означало... Что вариантов не было.

Палец привычно лёг на спусковой крючок.

И опять безвольно сполз на узкое ребро скобы.

Егор взгляделся в смуглое девичье личико... Вспомнилась сестрёнка... Пятью годами младше его, она в детстве была такой же непоседой, как эта черноглазая пигалица.

Любопытная Маришка носилась по городку, собирая все возможные и невозможные неприятности. Как же она надоедала Егору! Но куда денешься? Мать посылала его искать это веретено на ножках, отрывая от более важных занятий: таких, как, например, игра в солдатиков. Однажды, злой как чёрт из-за того, что в очередной раз пришлось бросить любимое занятие, он нашёл её на краю старого, заросшего высоким камышом пруда. Маришка, мокрая и перепачканная, испугалась его грозного окрика и разжала маленькую ладошку. А из неё во все стороны брызнули крошечные лягушата.

Он схватил сестру за руку и хотел отвести домой, но эта соплюха начала упираться! Вот тут-то он и отвесил ей хороший подзатыльник.

Маришка шлёпнулась в размякшую глину, некоторое время растерянно смотрела на него испуганными глазёнками, а потом выпятила нижнюю губу и расплакалась, но не с рёвом, как обычно, а всхлипывая и тоненько, по-щенячьи поскуливая... И такой слабенькой и беззащитной она ему показалась, что в душе всё десять раз перевернулось сверху вниз. И захотелось вместо неё ударить себя и отмотать время назад, чтобы не было этого дурацкого поступка, чтобы не видеть этих слезинок, не слышать этого жалобного голоса.

Именно в те неприятные, постыдные минуты он дал себе не по-детски строгий зарок — никогда не обижать маленьких и слабых. Таких, как эта пигалица, что сейчас беззаботно гонялась за красивой горной бабочкой.

Егор, не отрываясь от прицела, замечал, что гостя подбирается всё ближе и ближе к левому краю склона, тому самому, откуда лёжка хорошо просматривалась. Отползти отсюда незамеченным он физически не мог — этот вариант не продумали, когда выбирали место. Никто не рассчитывал, что взрослый человек зачем-то полезет в глухой труднодоступный тупик, а о ребёнке даже мысли не возникло. Тем более о бабочке, которая сейчас летела именно туда, куда лететь ей было бы не нужно.

«Как мотылёк на огонёк, — подумал Егор, вжимая мускулистое тело в камни. — Не беги за ней, девочка. Уходи, пока не поздно. Здесь прячется твоя смерть».

Но бабочка порхала, взмывая всё выше по склону, а девочка неотступно прыгала за ней.

— Клён, на связь Гранату, — сухо прошуршало в наушниках.

— На связи Клён.

— У тебя чисто?

— Нет.

— Почему?

— Девчонка бегаёт по склону.

— Ждѣшь, когда засечѣт?

— Если засечѣт — успею снять.

— Не успеешь... Она завизжит быстрее, чем долетит пуля. А эхо разнесѣтся на километры. Не рискуй. Скоро могут прийти гости.

— А могут и не прийти.

— Могут... В том числе и по твоей милости. Зачищай.

Егор ничего не ответил. Ему стало жаль девчушку. Он подумал о том, что никто не пожалеет его, а ему с этим жить, нести этот крест до последнего вздоха... Донесѣт ли?.. Отмолит ли?

Но война не любит эмоций. Или ты, или тебя.

Влажный палец вновь уткнулся в холодный спусковой крючок. Мушка, дрожа, опустилась на маленькую девчоночью головку.

И всё-таки человек — не робот...

Группа выходила из леса, отсидев в засаде трое суток. Усталые бойцы тянулись по тропе вялой змейкой, расслабленно покачивая смотрящими в землю стволами. До точки съѣма оставалось совсем немного, и предельное напряжение, державшее отряд без сна и отдыха днѣм и ночью, постепенно отпускало — глаза получали возможность смотреть вокруг обычным, не прицельным взглядом.

Гривастые чащи сменялись жидким подлеском, густой ягодный дух — мягким луговым ароматом, а жаркое безветрие — робким, шуршащим в траве сквознячком. Сумерки прощались с солнцем, и, спускаясь с гор, прижимали к земле порхающих птах и бабочек. Летний день готовился ко сну.

Лейтенант Крылов шѣл в ядре группы и думал о предстоящем докладе начальству. Похвастаться, надо признать, было абсолютно нечем: трое суток просидели впустую, не встретив ни «духов», ни их пособников; другими словами, убили только время и собственные силы ни за грош.

Нельзя сказать, чтобы стычки с боевиками происходили слишком часто, нет, но раза три-